

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С 28

Рецензенты:

д. и. н. *З. В. Дмитриева*
д. и. н. *П. А. Кротов*

С 28 Седов П. В.

Успенский Тихвинский монастырь и его архимандрит Боголеп накануне и в первые годы Северной войны. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 192 с.

ISBN 978-5-4469-1487-6

Монография посвящена внутренней жизни Успенского Тихвинского монастыря в годы настоятельства архимандрита Боголепа (1697–1708). На основе новых архивных данных автор проанализировал внутренние конфликты в монастыре, которые препятствовали духовенству отстаивать общие сословные интересы перед лицом грозных царских указов. Наиболее значимые документы по теме исследования опубликованы в Приложении.

Издание рассчитано на специалистов-историков и всех интересующихся отечественной историей.

*В оформлении обложки использовано изображение Успенского Тихвинского монастыря на плане 1678 г. (копия XIX в.).
Архив СПбИИ РАН. Колл. 220. Д. 167. 1678 г. План Тихвинского посада.
Фрагмент*

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4469-1487-6

© П. В. Седов, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Содержание

Предисловие	4
Настоятельство в Николаевском Вяжицком монастыре.....	7
Архимандрит Боголеп — строитель Успенского Тихвинского монастыря.....	9
Донос старца Иоасафа.....	12
Заботы накануне войны.....	17
Конфликт с дворянами	22
Новые жалобы на Боголепа.....	26
Рост повинностей.....	34
Опустошение монастырской казны.....	41
Обвинение в расколе	51
Успенский Тихвинский монастырь и Тихвинский посад	59
Уход «на покой»	62
Заключение	64
Источники и литература	67
References	69
Приложение	71
Указатель имен	175

Предисловие

Победа России в Северной войне стала результатом решительной мобилизации ресурсов, в том числе конфискации церковного имущества: изъятия казны у архиереев и монастырей, секуляризации значительной части их земельных владений. Кроме того, новгородские монастыри несли дополнительные повинности по снабжению войск, строительству новой столицы на берегах Невы и созданию флота. Документы Успенского Тихвинского монастыря содержат подробные сведения о повседневной жизни обители в суровых условиях начала Северной войны.

В годы настоятельства Боголепа (1697–1708) подвластные ему монахи обвиняли друг друга, но еще более своего настоятеля во всевозможных прегрешениях. Несколько дворянских семей, вкладчиков Успенского монастыря, подавали на тихвинского архимандрита одну челобитную за другой, сообщая скрытые от посторонних глаз неприглядные факты из жизни братии и их настоятеля. Боголеп решительно отвергал все наветы, обвиняя недругов во лжи.

Эти взаимные обвинения содержат ценные сведения по истории церкви петровского времени и позволяют рассмотреть вопрос о причинах подобной активности: была ли она вызвана исключительно личностью тихвинского архимандрита или одновременно отражала общее напряжение в среде духовенства как следствие увеличения податей?

Основными источниками для данного исследования стали челобитные, поданные на Боголепа новгородским воеводам, новгородскому митрополиту Иову, а также внутренняя монастырская переписка Боголепа с его представителем в Новгороде — стряпчим Романом Фоминым. Часть этих материалов уже известна. Тихвинский краевед И. П. Мордвинов изучал архив Успенского монастыря, но не успел опубликовать большой труд по его истории. На знакомство с некоторыми использованными здесь документами о деятельности Боголепа указывает краткое замечание исследователя о том, что тихвинский настоятель «отличался делячеством и стяжательностью»¹.

Привлекаемые в данной статье документы более обстоятельно изучены в капитальном труде К. Н. Сербиной, которой принадлежит заслуга введения в научный оборот многих документов Успенского Тихвинского монастыря. Ксения Николаевна проанализировала эти материалы в контексте противостояния подвластных монастырю крестьян и посадских людей с вотчинником. Такой угол зрения определил отбор использованного материала: внимание К. Н. Сербиной привлекли те документы, которые укладывались в логику классовой борьбы².

С нашей точки зрения, документы монастырского фонда позволяют рассмотреть разнообразные конфликты в Тихвине на рубеже XVII–XVIII вв. в более широком плане. Петровская эпоха исследуется главным образом сквозь призму царских указов и распоряжений органов государственной власти. При этом «голос» подвластного населения едва различим и предстает как отклик на повеления свыше. Богатый монастырский архив позволяет по-новому взглянуть на изучаемое

¹ *Мордвинов И. П.* Тихвинская старина: Сборник материалов к истории города Тихвина и нагорного Обонежья (современного Тихвинского уезда) // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1908. Вып. 1. С. 22.

² *Сербина К. Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVII вв. М.; Л., 1951. С. 394–408.

время: в нем люди разных сословий действуют не только под давлением сверху, но и по собственному почину, влекомые желанием выжить в сложных условиях. Особое внимание будет уделено поведению участников событий — новгородского митрополита Иова, воевод окольныхчегу П. М. Апраксина и боярина князя И. Ю. Трубецкого, дворян, монахов, посадских людей и крестьян.

Используемые следственные дела по изветным челобитным содержат как резкие выпады против Боголепа, так и его оправдания, а также отражают попытки властей проверить достоверность сообщаемых сведений. Выборочное цитирование наиболее ярких мест из поданных на Боголепа челобитных таит опасность тенденциозного изложения событий. Поэтому в Приложении наиболее значимые для данной темы документы публикуются, чтобы у читателя была возможность оценить привлекаемые источники в комплексе. Еще одно следственное дело против Боголепа опубликовано С. А. Белокуровым³, но без приговора, который сохранился среди документов Успенского Тихвинского монастыря, и тоже публикуется в Приложении⁴.

---

³ Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 185–216.

⁴ См.: Приложение. № 1. Ст. 1–5.

Настоятельство в Николаевском Вяжищском монастыре

Архимандрит Боголеп происходил из рода мелких новгородских дворян: тихвинские монахи именовали софийского сына боярского Архипа Саблина — «архимандрита нашего однородец»; сохранилось письмо Боголепу от его племянника Ивана Леонтьевича Саблина; родная племянница тихвинского настоятеля, жена Викула Жеглова, жила поблизости от Успенского монастыря⁵.

Самые ранние сведения о Боголепе относятся к началу 1680-х гг., когда он «жил на Москве в Чюдове монастыре»⁶; затем был настоятелем нескольких обителей: Николаевского Вяжищского (1683–1697), Валдайского Иверского (1697) и Успенского Тихвинского монастырей, откуда в 1708 г. был уволен на покой в Спасо-Нередицкий, где и скончался в 1710 г.⁷

Родовой помянник Боголепа был внесен в Синодик Николаевского Вяжищского монастыря, по-видимому, в годы его настоятельства: «Род архимандрита Боголепа Саблина.

---

⁵ См.: Приложение. № 15. Ст. 2, 6; Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Д. 200. Ст. 1.

⁶ Об этом Боголеп упомянул в челобитной 1697/98 г. новгородскому митрополиту Иову (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 49. Д. 110. Ст. 1).

⁷ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Ст. 52, 64, 65.

Никифора, иноку Марфу схим., Феодота оуб., Михайлу, Леонтия, Гордия, Леонтия, Петра, Василия, Мефодия, Стефана, Доментияна, Андрея, Григория, Димитрия, Алимпия, Прохора, Прокопия, Василия, Никифора, Иосифа, Петра, Иоанна, Петра, монаха Иону, монаха Варлаама, Параскевию, Екатерину, иноку Акилину схим., иноку Анну схим., Матрону, Ирину, Андрея, Тимофея, Татианы» (два последних имени приписаны к первоначальному тексту более светлыми чернилами и более размашистым почерком XVIII в.)⁸.

Настоятельство Боголепа в Николаевском Вяжищском монастыре отмечено значительным каменным строительством. При нем закончено возведение большого Никольского собора, освященного в 1685 г., началось сооружение церкви Иоанна Богослова с трапезной палатой и колокольней в одной связи, архимандритских и казначейских келий и других построек. Величественность созданного монастырского комплекса усиливали богатые изразцы. Одно из центральных мест в изразцовом декоре Вяжищского монастыря занимали вариации четвероконечного креста, решительно отвергаемого старообрядцами. После ухода Боголепа из Вяжищского монастыря первоначально задуманный пышный трехъярусный изразцовый декор был воплощен в жизнь лишь частично, а порядок изразцов перепутан, что подчеркивает значимость личного участия архимандрита в создании одного из лучших монастырских комплексов Новгородской земли⁹. Таким образом, строительная деятельность настоятеля в Вяжищах зримо утверждала никоновскую реформу и образ сильной и богатой церкви.

---

⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 722. Д. 216. Л. 35–35 об. Приношу благодарность Ю. Д. Рыкову, любезно обратившему внимание автора на этот факт.

⁹ *Околович М. Г.* 1) Полихромные рельефные изразцы Великого Новгорода: Проблема изучения // Общество. Среда. Развитие: Научно-теоретический журнал. СПб., 2011. № 1 (18). С. 165; 2) Символика изображений в искусстве полихромного рельефного изразца Великого Новгорода и его окрестностей второй половины XVII в. // Там же. № 2 (19). С. 173, 175.

Архимандрит Боголеп — строитель Успенского Тихвинского монастыря

Назначение Боголепа архимандритом Успенского Тихвинского монастыря состоялось при участии вкладчика этой обители — боярина князя Петра Ивановича Прозоровского. В письме от 8 января 1698 г. старец Герман сообщил, что по приезде в Москву явился к князю Петру Ивановичу домой с подношением, «и он спросил: архимандрит Боголеп каков, и я сказал — доброй человек. И он сказал: благо я не обрался, добра выбрал, при многих боярах и при дьяках в своей крестовой»¹⁰.

В Успенском монастыре Боголеп продолжил строительную деятельность. На этот счет имеются два противоположных по направленности свидетельства, относящихся к 1703 г. Настроенные против своего пастыря монахи обвинили его в том, что он затеял каменное и деревянное строительство «без братских приговоров по своим прихотям» и тем разорял монастырь; он начал «строить каменная церковь мерою болши и выше соборные церкви, так же и в тое церкви писали местные иконы и деисусы, и та церковь обвалилась». Кроме того, от реки Тихвины провел «водолейные трубы к поварне, и то не

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. № 234. Ст. 1. Письмо датировано 8 января без указания года, который устанавливается по упоминанию выезда 25 декабря 1697 г. боярина князя М. Я. Черкасского из Москвы на воеводство в Тобольск.

достроено ж, пропало»; а в подмонастырском селе на Пещорках завел «вновь мельницу строить посереде реки Тихвине, и к тому строению работать посылал неволею иеромонахов, иеродияконов и монахов, а которые ходить не могли на работу, и на тех правили денги по алтыну и по два гроши с человека на день»¹¹. Такого рода наказание свидетельствует о том, что и в общежительных монастырях у монахов водились деньги и под страхом лишения этих средств их можно было гнать на работу.

В челобитной речь идет о строительстве каменной Покровской церкви с каменными житенными кельями и амбарами (1698–1702). Церковь Покрова была возведена в 1699 г., а на следующий год рухнули ее своды. В таком виде она стояла до 1707 г., когда по приказу архимандрита стали возводить ее заново¹².

В изложении Боголепа его строительная деятельность на Тихвине была более успешной, нежели это представляли недоброжелатели: от реки он провел противопожарные «водоздымные трубы, здымало воду водяным колесом выши ну шести мерных сажень»; стоимость работ составила всего 5 рублей. Была построена «мельница шесть ступ овес толочь, да на том ж валу зделано сухое колесо шестерня жернов, и повсегда толчет и мелет», с этой мельницы взимались «помельные деньги» в пользу монастыря. В той подмонастырской мельнице, как с гордостью писал Боголеп, «зделал я, богомолец твой, 4 службы колесных, а в них осмнатцать ступ, а в тех всыпают овса по 7 четвериков да две службы жерновых, и с тих служб денги берут в монастырскую казну». Доносы на его строительную и хозяйственную деятельность вызвали страстный отклик: «А они, мятежники, называют меня, богомольца твоего, разорителем; и во всяких монастырских заводах и во всяком

---

¹¹ См.: Приложение. № 15. Ст. 5–6.

¹² *Мильчик М.И.* Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков. Статьи 1973–2017. СПб., 2017. С. 175.

ходящем скоте, и в земляной распашке учинены при мне, богомольце твоем, прибыли великие»¹³.

Боголеп пригласил в Тихвин мастера изготовления изразцов Артемия Митрофанова с прежнего места своего послушания — из Вяжищского монастыря. Митрофанов сделал печные изразцы в келье нового архимандрита и «образцовое черепичное дело»¹⁴.

Боголеп был архимандритом-строителем, властным и распорядительным. У таких пастырей бывает немало недругов.

---

¹³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Картон 53. Д. 124. Сст. 3. В челобитной царю 1699 г. Боголеп упомянул об учиненной при нем новой «земляной распашке»: в 1697 г. был сведен «матерой» лес на 30 четвертях земли и засеян рожью, из-за чего возник земельный спор с соседним помещиком И. М. Есиповым (Там же. Картон 49. Д. 146. Сст. 1–2).

¹⁴ *Вараксин Е. П., Пятницкая Т. Н.* Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб., 2017. С. 112–115, 196–197, 262.

Донос старца Иоасафа

Едва новый тихвинский настоятель вступил в управление обителью, как на него поступил донос. Уставщик монах Иоасаф часто хаживал в соседний женский Введенский монастырь к ссыльной старице Авксентии (Бакуниной). Как потом признался на следствии сам Иоасаф, он жил с нею «блудно» и частенько получал от нее хмельное питье. На Троицын день 1698 г. он явился к старице с поручением своего архимандрита молиться о дожде (Авксентия была уставщицей Введенской обители). Иоасаф был уже «гораздо пьян» и в таком состоянии сообщил старице, что Боголеп будто бы решительно осудил самого царя за торговлю табаком. Целовальнику, назначенному продавать табак на Тихвинском посаде, архимандрит будто бы заявил: «...будь-де ты проклят и с тем, хто указал табак продавать», а также грозился раздавать попам по копейке, дабы те взялись «проклинать у престола Божия того, хто повелел таким товаром торговать»¹⁵.

Следствие, проведенное по этому извету в Великом Новгороде, показало преувеличенность обвинений. Сам изветчик не присутствовал при этих словах настоятеля, а передал их с чужих слов. Показания Иоасафа оказались неточными относительно того, что сказал архимандрит, но они отразили те пересуды, ко-

---

¹⁵ Белокуров С.А. Материалы для русской истории. С. 197.

торые начались в монастыре вокруг этой истории. Свидетель диалога тихвинского настоятеля с табачным целовальником — стремянной конюх Константин Кобыляков — показал на следствии, что Боголеп «отказал» целовальнику торговать табаком на Тихвинском посаде «и сказал, что-де табак проклят от святых отец». Архимандрит сказал сущую правду: церковная традиция того времени решительно осуждала употребление табака, но и эта более осторожная фраза была явной дерзостью. Как заметил стремянной конюх, передавая слова настоятеля келарю, «тем табаком велено торговать по указу великого государя»¹⁶.

На следствии обвинения Иоасафа не подтвердились. 6 июля 1698 г. Боголеп заявил во владычном приказе, что табак не проклинал, но отвел табачному целовальнику дворы на Тихвинском посаде и «он во сю ярманку торговал и собою съехал». Извetchик Иоасаф покаялся перед митрополитом, заявив, что спьяну оговорил тихвинского настоятеля¹⁷.

Не подтвердились и другие обвинения Иоасафа. Со слов несдержанного на язык монаха, Боголеп будто бы велел на «царский ангел» предыдущих лет петь «за упокой обедни» и, несмотря на запрет владыки строить церковь, «своим самодурством делает без братцково приговору». Кроме того, «в церковь ходить ленив, а благовесту часа полтора и два часа; а придет в церковь, и он лежит все, и то не на месте своем, все с бабами, где женки стоят. Да он же, архимандрит, царских ангелов не хранит, на заздравную чашу пиво ставит, а у себя на погребце мед и другой держит»¹⁸. Рассмотрение этого извета

---

¹⁶ Там же. С. 201.

¹⁷ Там же. С. 205–206. В челобитной 1698 г. посадский человек Савва Дьяконов упомянул, что во время тихвинской ярмарки того года по указу архимандрита Боголепа на его дворе был поставлен «табак-копродавец» Кирьян. Следовательно, Боголеп позволял себе высказываться о греховности табака, но царскому указу о табачной торговле открыто не противился (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 49. Д. 95. Сст. 1).

¹⁸ *Белокуров С. А.* Материалы для русской истории. С. 198–199.

затянулось более чем на год. Отметим, что донос Иоасафа на своего пастыря по поводу запрещенного царем каменного строительства в монастырях содействовал стеснительным ограничениям царя против духовенства.

В черновике октябрьского письма 1698 г. Боголеп благодарит новгородского митрополита Иова за оказанное заступничество: «...в прошлом 206-м году избавил мя от клеветы и многоразличных сети ловящих многогрешную душу и плоть мою» и сообщает о новом доносе против него, среди зачинщиков называя старца Авксентия. На самом деле последний был не монахом, а крестьянином Ярославского уезда Иваном Григорьевым, который «жену свою убил для оговоров». Иван солгал, что будто был пострижен в Песошском монастыре, и вскоре «показался во многих в двоеобразных плотцких блуднях и в девичье монастыре с черницею с Анкою Харловой». За это Боголеп ему «многожды наказание чинил», а Иван-Авксентий в отместку «составлял на меня клеветы», которые окончились для обманщика ссылкой в Хутынский монастырь. Там Иван-Авксентий «стакался» с дьяконом Успенского монастыря Иринархом Шумаком, который также пострадал от архимандрита за «неистовое житие» и «почасту за ево озорничество плетьми наказан был и ис цепи мало свободался»¹⁹.

Мстя Боголепу, Шумак в пятницу Светлой недели 1698 г. устроил в Успенском монастыре пожар: «зажег в городской башни, и выгорело города больши ста сашен, а он, Иринарх Шумак, в ту ночь под каменным сводам, кирпичем себя обложя, укрылся, искренним сыском едва ево сыскали». За это преступление дьякон сидел в монастырской тюрьме больше полугода, где исхитрился написать на архимандрита «коварственную клевету, что невозможно к таким лицам применятьца». Боголеп сумел принять меры: обыскал Иринарха, выслал его из монастыря, а найденный у него извет, в котором упоминались столь высокие персоны, что их даже не рискнули назвать, был предан огню.

---

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 49. Д. 94. Ст. 1.

Выгнанный из монастыря дьякон и ссыльный Иван-Авксентий возобновили свои наветы на тихвинского настоятеля: Иван, «будучи в Хутыне монастыре, о той клевете в приказной полате извещал». По доносу новгородский воевода окольничий П. М. Апраксин приказал доставить из монастыря будильника монаха Геннадия, монаха Маркела Брюшова и служек Якова Зайцева, Василия Постникова, Ивана Спинова «для государева дела». В челобитной Боголеп просил митрополита Иова защитить его от новых «клеветников»²⁰.

Таинственные слова о высоких персонах, имена которых настоятель даже не смел предать бумаге, стали известны ближайшим к Петру лицам. 3 ноября 1698 г. новгородский воевода П. М. Апраксин получил письмо от кравчего К. А. Нарышкина, в котором предписывалось расследовать дело по обвинению Боголепа «в непристойных словах». В тот же день П. М. Апраксин допросил уставщика монаха Иоасафа, и тот заявил следующее. Летом 1697 г. он сидел в монастыре «в трубенной кели на чеи» и пожаловался слуге Якову Зайцеву на то, что Боголеп долго держит его скованного и «управы не чинит». На это слуга отвечал: «...архимандрит-де наш чинитца и сам равен царю». Яков Зайцев сказал это потому, что слышал от другого слуги — Ивана Спинова, — как их пастырь сказал неосторожные слова в своей келье: в июне 1697 г. архимандрит призвал к себе трех крестьян Шунгского погоста и говорил им «от Божественного Писания многие учительные слова, чтоб они церковного расколу не держались; да к тем же словам сказал он, архимандрит, при нем Ивашке: “и я-де равен царю”»²¹.

Боголеп старался всеми силами доказать, что его недруги обманщики. Среди монастырских документов сохранилась запись приговора патриарха Адриана от 2 февраля 1699 г. по делу о подлинности пострижения изветчика Иоасафа в Костромском Песношском монастыре. На основании показаний

²⁰ Там же. Ст. 1–1 об.

²¹ *Белокуров С. А.* Материалы для русской истории. С. 217–218, 226.

игумена этого монастыря Афанасия было установлено, что Иоасаф не только не был пострижен в этом монастыре, но и никогда не жил там. Патриарх указал рассмотреть дело о мнимом монахе Иоасафе новгородскому митрополиту Иову²².

18 декабря 1699 г. новгородский воевода П. М. Апраксин приказал изветчиков старца Иоасафа (в миру расстригу Ивана Григорьева) и служку И. Спинова «бить кнутом на козле нещадно»²³. Других участниц извета, Авксентию Бакунину и Анну Харламову, 10 января 1700 г. повезли из Введенского монастыря в Новгород²⁴. В том же месяце все подлинное дело по извету было отослано в Москву²⁵.

О закулисной борьбе вокруг этой истории узнаем из писем представителя Успенского монастыря в Новгороде Романа Фомина. 25 января 1700 г. он сообщал: «А рострига и черницы введенские еще сидят скованы в старых местех, и указу им никакова нет для того, что поборают по ним воевода, только у владыки не то смышлено, ожидает ево съезду»²⁶. Это важное свидетельство указывает на то, что окольничий П. М. Апраксин был склонен, наказав изветчиков за преувеличенность извета на Боголепа, все же дать ход их доносу. Митрополит Иов, напротив, покрывал архимандрита и тянул время до приезда нового новгородского воеводы, которого ожидали уже на следующий день, 26 января.

---

²² Запись о допросе песношского игумена Афанасия и приговоре патриарха Адриана относительно лжемонаха Иоасафа сделана на обороте черновика челобитной Боголепа царю по земельному делу (Там же. Д. 146. Ст. 1 об. — 2 об.).

²³ См.: Приложение. № 1. Ст. 1–7.

²⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. Д. 62.

²⁵ Белокуров С. А. Материалы для русской истории. С. 227–228.

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. Д. 82. Ст. 2.

Заботы накануне войны

Не успел Боголеп отделаться от этого извета, как его подстерегла новая беда. В том же письме Р. Фомин извещал: «Да и се тебе, государю, буди ведомо: слышно нам здесь чинитца, что крамольники дворянишка обонежена многие по согласию-де с духовским и с антоньевским архимандриты ссывают ков (составляют коварный умысел. — П. С.) и челобитную за руками владыки на благодать твою во многих статьях и в росходе монастырских казенных денег издержки, и чтоб сщестъ, и из монастыря б переменить. Да тут же вводят: будто заказу вашего некакой поп тебе, государю, извещал на раскольников в расколе и будто о том указу ему никакова не учинено. И о том мы с Римскими-Корсаковыми подлинно будем проводить неленно и к тебе, государю, писать»²⁷.

Роман Фомин писал 1 февраля, что новый воевода боярин и генерал-майор князь И. Ю. Трубецкой еще не принял ся за дела и поэтому «о ростриге Иосавке и о черницах введенских еще указу им нет, седят скованы в старых местех»²⁸, а в письме от 13 февраля добавил: «А рострига и введенские черницы еще в старых местах скованы ж седят, и к правилу рострига ходит скован же»²⁹.

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 85. Сст. 2–2 об.

²⁹ См.: Приложение. № 3. Сст. 1 об.

Далее Фомин подробно описывает, как Боголеп через своего представителя в Новгороде пытался добиться, чтобы на тихвинскую ярмарку не присылали дворянина Ивана Бестужева, с которым у архимандрита была вражда. Эти подробности раскрывают неформальную практику управления в Новгороде, а также свидетельствуют о милостивом отношении новгородского митрополита Иова к Боголепу.

Роман Фомин сообщал, что отписка с просьбой архимандрита пришла в Новгород накануне Великого поста, в самое сырное заговенье. Поднести ее митрополиту Роман не смог, потому что в крестовой палате было скопление начального люда: воевода, дворяне, приказные люди, монастырские власти «и вся чину люди в великой тесноте». По обычаю, в знак прощения перед Великим постом митрополит Иов долго потчевал гостей, после чего удалился «к себе в задние кельи».

Р. Фомин с тихвинским иеродьяконом Геннадием сумели ночью через митрополичьего слугу монаха Варлаама передать отписку своего настоятеля владыке, который утром следующего дня вызвал представителей Успенского монастыря к себе «в большую крестовую к правилу». Иов объяснил, что ничего уже сделать не может, посетовав: «...для чево-де архимандрит о том деле пораней не писал и спустя-де время ко мне пишет, а ныне те ль дни, что кому о том скучать и бить челом, и где ково возьмешь, и дворянин с наказом на Тихвину уже отпущен, и у меня-де ему послушная дана». В ответ Р. Фомин показал владыке царскую грамоту, которая позволяла решить дело в пользу монастыря.

Внимательно вычитав грамоту, Иов, «призвав меня, близко под ухо тихонько сказал: грамот-де хороша да ушло ныне время, а слышил-де я, что и в прошлом году такому ж послано, архимандрит ваш отказал и места и пристани ему не дал, мочно-де ныне ему против сей грамоты так же учинить». Подробный пересказ беседы с Иовом Р. Фомин завершил советом митрополита написать письмо Боголепу, но чтоб о нем

никто не проведал. Владыка явно поддерживал тихвинского архимандрита, однако наказал сохранить его благосклонность в тайне. Примечательно, что в своих покоевых палатах митрополит Иов опасался говорить то, что думал, и шептал свою волю монастырскому слуге на ухо.

В тот же день Р. Фомин отправился на двор к боярину и генерал-майору князю И. Ю. Трубецкому. Воевода тоже заявил, что дворянин уже отпущен на ярмарку, «дурить-де он дворянин тамо, а нынешняго чинить не смеет, и у нас-де ему наказано, и что-де будет дурить, мочно-де вашим властям на него в том и являть». Впрочем, на будущее воевода велел записать в книгу присланный царский указ, «чтоб впредь таких дворян и стрельцов на тихвинскую ярманку не посылать». Единственное, чего смог добиться Р. Фомин, — обещания воеводы написать посланному дворянину Ивану Бестужеву «с пригрозными словами, чтоб тамо был поискусней и нападки б и дурна никакова б не чинил»³⁰. Владыка Иов хотел защитить подвластные ему монастыри, но в данном случае мог лишь посочувствовать тихвинским властям.

По традиции архиереи были ответственны за исполнение государственных налогов и повинностей с подвластных монастырей. В письме от 5 марта 1700 г. Р. Фомин сообщал из Новгорода, что воевода получил царскую грамоту о высылке из Новгородского уезда тысячи каменщиков и кирпичников; с вотчин Успенского Тихвинского монастыря следовало готовить всех наличных в обители каменщиков и кирпичников «в прибавок» к тем 26 мастерам, которые были уже высланы в Таганрог в прошедшем году³¹.

Одновременно следовало «слуг, которым быть в салдацкой службы, в Новгород приказать выслать со многою прибавкою, потому что старых в службу не принимают». Царский указ предписывал выставлять солдат и с тех дворов, которые были

---

³⁰ См.: Приложение. № 3. Ст. 1–2 об.

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. Д. 100. Ст. 1.

куплены или выменяны после переписных книг 1679 г. Если бы монастыри утаили вновь приобретенные земли, то такие следовало «взять на государя бесповоротно». Р. Фомин умолял «той высылкою не замешкать ни часа, потому что преосвященный митрополит, и юрьевские, и хутынские свои и иных монастырей сряду к отдачи в приказную полату приводят»³².

Через день Р. Фомин сделал приписку к этому письму, уточнив, что монастырских слуг в солдаты следует высылать «всех и старых, и молодых, и служних детей, и служебников, чтоб было за излишком, а здесь принимают молодых лет по двадцати и менши, и больше дватцети, а старых отставливают. А корм велено давать денгами на день по алтыну, а буде мало слуг и служебников, брать из бобылей, кои молоды, тех принимают». Далее монастырский стряпчий поведал показательную историю о том, как ставил солдат келарь Хутынского монастыря Венедикт Боратов, который «привел было к смотру всякого возрасту близ трехсот, а выбрано человек из слуг, и служебников, и из бобылей с семьдесят, и тем еще перебор будет, а кои утаены, велено поставить тотчас». По сравнению с прошлыми годами, когда в солдаты набирали без особого разбора, на этот раз воевода принимал лишь каждого четвертого солдата, поскольку «ныне указы стали крутые, переговаривать не дают», — заключил свой рассказ Р. Фомин³³.

Уже 14 марта Роман сообщал о новых хлопотах: по царскому указу велено высылать в Воронеж к 26 марта «кумпанщиков» «для провожжения и отдачи на Таганрог в морской караван караблей». По словам стряпчего, он скрывался «от той напасти, избегая и ухараниваясь от присланных приставов по два дни»³⁴.

В письме 26 марта Р. Фомин снова умолял тихвинского архимандрита поторопиться с поставкой солдат, поскольку

---

³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 50. Д. 100. Сст. 1–1 об.

³³ Там же. Сст. 2–2 об.

³⁴ Там же. Д. 102. Сст. 1.